

Щеглова Татьяна Кирилловна

Устная история (Oral history) как метод и источник этнографических исследований сельского населения в контексте исторических событий XX – начала XXI столетий

Аннотация. В статье раскрывается междисциплинарное взаимодействие этнологии и устной истории в изучении традиционной культуры этнических сообществ в контексте исторических событий XX столетия. Утверждается, что источниковая база этнографических полевых исследований все больше смещается в нематериальную область, поэтому большое значение приобретает изучение исторической памяти в ее временных, этнокультурных и пространственных конфигурациях. Автором характеризуются способы извлечения этнокультурной информации. В качестве примеров на материалах устной истории анализируется адаптация столяпинских переселенцев к кардинальному переустройству деревни и социалистической модернизации 1930-1960-х гг. И рассматривается развитие традиций и новаций крестьянского жилищного строительства под влиянием экстремальных условий жизнедеятельности в годы репрессий и войн 1910-1940-х гг. В завершении ставится задача изучения адаптационных практик народов не только в материальной сфере, но и социальные адаптации и духовные практики.

Ключевые слова: информационная среда, историческая память, устная история, экстремальные условия жизнедеятельности, адаптации, традиции.

Abstract: The article reveals interdisciplinary interaction of ethnology and oral history in studying the traditional culture of ethnic communities in the context of historical events of the XX century. It is stated that the source base of ethnographical filed research is drifting to the non-substantial area, for this reason the study of historical memory in its temporal, ethno-cultural and spatial configurations becomes essentially important. The author characterizes the means of extracting ethno-cultural information. Adaptation of Stolypin's migrants to the cardinal reconstruction of the village and socialistic modernization in the years 1930-1960 is analyzed as an example on the basis of oral history materials. The author also examines the development of traditions and innovations of peasant household construction under the influence of extreme life-sustaining conditions in the years of repressions and wars 1910-1940. In conclusion the author raises the problem of studying adaptation practices of ethnic groups not only in substantial sphere but also in the sphere of social adaptation and spiritual practices.

Keywords: information environment, historical memory, oral history, extreme life-sustaining conditions, adaptations, traditions.

Современные дискуссии ведутся вокруг путей, форм, способов исследования традиций, народных культур, этнических сообществ в контексте исторических процессов XX – начала XXI столетий. В отечественной этнографии труднопреодолимыми рубежами в изучении традиционной культуры русских стали 1917 год (революция как рубеж традиционного и советского общества русских) и 1930-е годы (как годы коллективизации и раскулачивания - «раскрестьянивания» и рубеж между традиционной крестьянской культурой русских и культурой советского крестьянства). Этому способствует и несовершенство методов работы с информационной средой современной деревни, которая, наряду с затухающими следами традиционной материальной культуры представлена исторической памятью населения.

Информационная среда сельских населенных пунктов

Историческая память и создание исторических источников

Региональный подход и антропология крестьянства: адаптация «столыпинцев» к

© Щеглова Т. К., концепция, составление, редактирование, 2017

© Алтайский государственный педагогический университет, 2017

© Кузнецов А. С., Мазырина А. А., Рыков А. В., Щеглова Т. К., 2017

УСТНАЯ ИСТОРИЯ:

жизненные стратегии и повседневные практики сельского населения
юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны

Содержание

советско-социалистическим преобразованиям и репрессионным кампаниям

Этнографический потенциал устных исторических источников: жилищная культура русского сельского населения в трудных и/или экстремальных условиях XX столетия

Культура жизнеобеспечения и этнография русского сельского населения сибирского тыла в годы Великой Отечественной войны

Список литературы

- © Щеглова Т. К., концепция, составление, редактирование, 2017
- © Алтайский государственный педагогический университет, 2017
- © Кузнецов А. С., Мазырина А. А., Рыков А. В., Щеглова Т. К., 2017

Информационная среда сельских населенных пунктов

В поисках источникового материала для изучения современных этнических культур автором было введено понятие «информационная среда сельских населенных пунктов», включающая материальные и нематериальные элементы традиционной культуры: «под информационной средой населенного пункта мы понимаем и материально-вещественную среду со следами культуры тех историко-культурных групп, представителям которых они принадлежали (например, изба и хата, забор и плетень, роспись и побелка и т. д.), и ту разнообразную устную информацию, которая содержит не только этнические и культурные маркеры, но и исторические следы прошлой жизни, включая отражение в памяти населения исторических событий XX в. Среди них жизненные истории о раскулачивании, о депортациях, с одной стороны; участие в промышленных стройках, ликвидация безграмотности и бесправия женщин, развитии науки, с другой стороны» [1, с. 35].

При использовании методов устной истории в этнографических исследованиях для нас особенно важным является антропологическое содержание исторического прошлого, сохранившегося в информационной среде: «Среди явлений материальной культуры – это изучение этнокультурного ландшафта населенных пунктов и др. Нематериальное наследие содержит не только «готовые продукты» традиционной культуры... – формы обрядовой культуры, продукты народного творчества (фольклор, сказки, былины и т. п.), но и устную информацию о прошлом в индивидуальной и коллективной исторической памяти. Эта память базируется на этнокультурных кодах, которые обуславливают поведение ее носителей – участников исторических событий» [2, с. 41]. Таким образом, основой нематериальной информационной среды является историческая память о прошлой жизни и этнокультурном наследии.

Историческая память и создание исторических источников

В свете данных подходов приобретает большое значение изучение исторической памяти в его временных, этнокультурных и пространственных конфигурациях. Во временных конфигурациях информация в исторической памяти хранится в двух видах: в случае удаленного прошлого – в виде мифологизированных преданий, семейных легенд и былей, в случаях недавнего прошлого – в виде «life story» непосредственных участников, полученной путем опроса и фиксации нарратива. Первый вид устной информации «собирается» этнографами или фольклористами, второй вид информации добывается с помощью интервью с последующим документированием его материалов. В первом случае информация (пословицы, сказания, пресловья, эпос, календарный и свадебный обрядовый фольклор и др. виды информации) действительно существует в готовом виде и просто собирается - фиксируется. Во втором случае правильнее говорить, что при обращении к исторической памяти и жизненной истории участника, и свидетеля недавних исторических событий с помощью инициированного исследователем интервью «создаются» исторические документы. В зарубежном аналоге «фабрикуются» (от слова «фабрика» как производство) документы.

Как бы исследователи не называли полученный путем опроса источник – материалы историко-социологического интервью (Е. С. Сенявская), материалы научного интервью (Мокрова М. В.), нарративы (Шагоян Гаяне, Блюм А.), эгоистория (Красильников С. А., Аблажей Н. Н.), устные исторические источники (Щеглова Т. К.), мемораты и т. д. [3-11] он содержит ту информацию, которая почти не фиксируется официальными документами и недостаточно содержится даже в документах личного происхождения.

В рамках Конгресса антропологов и этнографов России автором с 2001 года проводится секция «Устная история как источник и метод этнографических исследователей» [12-15]. На ее площадке встречаются исследователи, работающие с информацией в исторической памяти в той, и другой форме. В частности, в опубликованных материалах Конгресса 2015 года часть выступлений была связана с исторической формой преданий, которые были собраны исследователями в сельской и городской этнической информационной среде. Особенно богата историческая память тюркских народов. Этнографы-тюркологи регулярно обращаются к ней. До сих пор в информационной среде сибирских татар фиксируется устная история, в том числе по событиям отдаленных XVI-XVII веков. Так, по свидетельству известного исследователя сибирских татар С. Н. Корусенко «среди татар Среднего Прииртышья бытуют исторические предания как отражение коллективной памяти об обращении их предков к центральным властям для решения определенных проблем. В основном это небольшие рассказы, большая часть которых мифологизирована» [16]. Эти далекие события в интерпретации современных потомков позволяют исследователю выходить на проблемы этничности, идентичности, ментальности и т.п.

Благодаря казахскому феномену исторической памяти – шежире, глубина измерения прошлого в которых опускается вглубь веков, на всех конгрессах в работе секции принимали участие специалисты в этой области. Эти выступления свидетельствуют, что «в условиях суверенизации и роста национального самосознания „шежире“ активно используют в изучении истории Казахстана как альтернативу письменным источникам. Изучение шежире приводит к заключению о том, что шежире существовали как сложившийся институт, позволяющие реализовать социокультурные и политические ценности их хранителей. Устная история, будучи методом оценки исторического прошлого, оставалась частью настоящего, является неотделимой этнической и социальной самоидентификации и национально-культурных ценностей». Именно поэтому, как пишет один из участников Конгресса

антропологов и этнографов: «Среди методов в этнологии Казахстана большую популярность приобретает устная история. Востребованным источником является – шежире... Особенность шежире в сакрализации прошлого, исторических личностей, этнической территории, в сакральном восприятии исторического времени» [17].

Другая группа докладов была посвящена изучению этнокультурных процессов через эмпирический опыт современного населения России с помощью методов устной истории. В частности, при изучении возрождения религиозной приходской жизни, православных традиций на Кольском Севере был «основной корпус текстов записан в городах центральной части области (Полярные Зори, Мончегорск, Апатиты, Кировск). В исследовании принимали участие городские жители, разных возрастных групп, а также разной степени веры (по самоидентификации). Результаты исследования позволили определить отношение различных категорий информантов к строительству храмов. Обстоятельства постройки церквей сказываются в дальнейшем на символическом статусе города. Появляясь, церковь меняет культурное пространство малого города, становится его частью, как и частью городской мифологии» [18].

В условиях, когда источниковая информация все более в последнее время смещается в нематериальную область, особенно востребованы исследовательские технологии устной истории (oral history) которая изучает историческую память и нематериальное наследие той или иной территории с помощью разных видов опроса. Принципом устноисторической деятельности является обязательная техническая поддержка фиксации информации. На современном этапе – это цифровая техника, значительно облегчившая работу устных историков. А также обязательная работа по документированию устных свидетельств и архивированием полученной информации – создания устных архивов с сохранением аудио-, видеоматериалов и письменных транскриптов (с переводом устной речи в письменную).

В наши дни устная история с ее выходом на антропологические аспекты исторических событий приобретает в социогуманитарных науках и определенное методологическое значение. В этнографических исследованиях устная история может использоваться как метод и источник по изучению этнических культур в контексте исторических процессов XIX-XXI столетий. Технологии устной истории эффективны для изучения семейно-бытовых традиций как в периоды стабильной повседневной жизни русского сельского населения, так и в периоды кардинальных перемен – партийно-государственных кампаний переустройства деревни, ее быта и культуры, характеризующихся экстремальными условиями для деревенского социума. В том числе, традиционная культура находилась под воздействием объективных процессов и явлений XX – начала XXI столетий - техногенных факторов.

Временные границы полученного источникового материала с опорой на историческую память при сборе мифологизированной информации практически не ограничены – в народной среде хранятся легенды, были, «преданья старины глубокой». У одних народов больше сохранилось и информации об удаленном историческом прошлом, например, у тюркских народов. У других меньше. Например, у русских историческая память «короче» в силу ряда объективных и субъективных причин. Практически «выветрилось» в информационной среде современного русского сельского населения устное народное творчество, а вместе с ним и мифологизированная историческая память об удаленном историческом прошлом.

Другое дело устная история XX – начала XXI столетий, границы которой маркируются памятью о прошлых событиях, участники которых живы и являются носителями информации о них. При создании устных исторических источников по недавнему прошлому исследователь опирается на

УСТНАЯ ИСТОРИЯ:

жизненные стратегии и повседневные практики сельского населения
юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны

Содержание

историческую память непосредственных участников событий, в крайнем случае, на семейные и жизненные истории (life story), хранящиеся на уровне 3-4 поколений. Устная история особенно востребована для изучения народов и их культур в экстремальных условиях, связанных с разрушительными для семейного коллектива обстоятельствами, или массовыми процессами, нарушающими стабильную повседневность. К ним относятся перманентные переселения в Сибирь, которые на протяжении XX столетия были как добровольными (Например, массовые крестьянские столыпинские переселения), так и принудительными (например, этнические депортации).

Региональный подход и антропология крестьянства: адаптация «столыпинцев» к советско-социалистическим преобразованиям и репрессионным кампаниям

Методологические подходы изучения крестьянской культуры опросы адаптации крестьянства Опыт автора показывает, что на современном этапе наибольшего проникновения вглубь исторической памяти о переселениях в Сибирь с помощью методов устной истории возможно достичь до начала XX столетия, до столыпинских переселений. Принципиально важным при изучении столыпинских переселенцев является не только традиционное для отечественной этнографии изучение их адаптации к природно-географическим условиям на начальном этапе обустройства на новом месте, но и адаптации сельского населения к новым реалиям в последующие периоды политических и социально-экономических переустройств деревни на протяжении XX столетия.

Вопросы адаптации всего крестьянства и крестьянской культуры к советско-социалистическим преобразованиям до сих пор остаются малоизученными. Основными причинами является невозможность решить их традиционными методами и недостаток источников, о чем неоднократно писала автор: «Традиции служили способом освоения новых территорий и условием успешной адаптации на новом месте. Как правило, исследователи рассматривали их значение в первоначальный период заселения и не анализировали последующие годы адаптации к экстремальным условиям в годы трагических исторических событий XX века, в период масштабных советских преобразований и партийно-государственных кампаний. Среди них годы войны и послевоенное время, репрессии и принудительные переселения, в том числе раскулачивания, депортации и т. д. Эти и другие события, например, ликвидация неперспективных сел, объединяет ухудшение положения сельского населения при перманентной маломощности колхозов, с одной стороны, и отсутствием гарантированной помощи со стороны государства, с другой стороны. Представляется интересным проанализировать процессы адаптации столыпинцев к новым социально-экономическим и политическим условиям в последующие за переселением десятилетия. Современные антропологические подходы, в том числе устная история, биографистика, историческая генеалогия позволяют раскрыть эти вопросы» [19, с. 252].

Можно показать это на примере предпринятой автором попытки в рамках совместного грантового проекта антропологов, историков, этнографов, поддержанного РФФИ¹, проанализировать адаптацию «столыпинцев» на уровне нескольких поколений, как потомственных крестьян-земледельцев, к экстремальным условиям раскулачивания в разных историко-этнографических и природно-климатических зонах Верхнего Приобья [20]. Для этого было проведено исследование поведения, жизненных стратегий и адаптационных практик населения двух групп, образованных столыпинцами сел. Первая группа сел была основана столыпинцами в старожильческо-скотоводческих предгорных районах Алтая. Вторая группа - в степной переселенческой зоне. Сравнивался их уровень хозяйственной и социокультурной адаптации к социалистическим преобразованиям, устойчивость и жизнеспособность в новых социально-экономических и политических условиях.

Исследования показали, что поведение столыпинцев и адаптационные практики при реализации политики коллективизации единоличного хозяйства крестьянин обусловили разные результаты раскулачивания. В предгорной старожильческой зоне, которая в отличие от западных переселенческих районов, подверглась сплошной волне репрессий, после социалистической модернизации почти не осталось «столыпинских» сел. Можно увидеть это на примере ряда столыпинских поселений,

¹ РФФИ, проект № 12-06-98013 р_сибирь_а.

основанных в зажиточной старожильческой среде Алтайского, Солонешенского и Красногорского районов. Например, «процент раскулаченных в столыпинском селе Барашек [Алтайский район] был настолько большим, что село исчезло к 1939 г. Это говорит о том, что столыпинцы, приехав в 1910 году сумели так адаптироваться, что уже в 1930-е г. попали в категорию зажиточных.

В старожильческой зоне значительная часть сельчан пытались напрямую отстоять свое хозяйство. Это поведение опиралось на особую ментальность старожилов, уверенных в своих правах на землю в районах, которые отличались особой вольностью в удалении от горнозаводских центров. Лишь часть сельчан старожильческой зоны, отказавшись от традиционных крестьянских установок, приспосабливались, «чтобы избежать раскулачивания, самораскулачились и/или переехали в другие населенные пункты».

Именно устные свидетельства позволяют проанализировать ментальность крестьян-старожилов и реконструировать процесс формирование таких же жизненных установок у поселившихся в старожильческой среде столыпинцев, которые проявились в период раскулачивания. В их основе лежали факторы адаптации и консолидации пестрой социокультурной массы переселенцев вокруг жилищного и производственного обустройства нового места в рамках одного села с благоприятными для строительства и хозяйствования условиями: «Мы [курские столыпинцы Иевлевы] приехали в 1911 г. [на место села Барашек] Кто-то съездил на разведку [все засобирались], сразу приехали 10 семей. Все горы заселили... В Барашке были вятские, вологодские, курские, орловские. Сорокино [еще одно столыпинское село] было км 6 от Барашка. Как ложок, так деревня. Везде заселились, обзавелись курами, коровами. Скотины много. Счету не знали ни гусям, ни свиньям. В Сорокине мы приехали – было 3 двора, а потом нас семей 10 приехало. У нас было гектара 3 земли огорожено. Мы всё болото огородили поскотиной и вечером туда скот выпускали. Было два табуна – старые, молодые» [19, с. 256]

В первые десятилетия, переселившись на Алтай, столыпинцы предгорной скотоводческо-земледельческой зоны успешно адаптировались к природно-климатической зоне. Сумели они адаптироваться и к этнокультурной ситуации с преобладанием старожильческого населения, переняли многие навыки старожильческой культуры. Но не сумели столыпинцы старожильческой зоны ни социально, ни экономически, ни культурно приспособиться к социалистической модернизации и репрессивной политике. Как и сами старожилы, привыкшие отстаивать свои права на крестьянование и вольничу в вопросах веры (часто древнеправославной) и культуры. Почти все села столыпинцев, образованные в восточной старожильческой зоне в ходе раскулачивания и последующих кампаний переустройства крестьянского мира исчезли.

Несколько иную картину показали полевые исследования в западной переселенческой историко-этнографической зоне. Оказалось, что, в отличие от них, «в степных столыпинских поселениях масштаб раскулачивания был иным» и картина социально-экономической адаптации в засушливых степных безлесных территориях отличалась от предгорных сел. Как говорят сами респонденты, «здесь [Яготино, Благовещенский район], ну, такого, такого большого, такого, что кулаки там, здесь не было такого вот. Потому что село было наше, ну, оно не сильно зажиточное было. Здесь как-то обошлось мирно ...» Полевой материал показал, что степные столыпинские переселенцы были менее зажиточны, чем столыпинцы в восточной старожильческой зоне. Сумели стать самостоятельными собственниками только при единоличном хозяйствовании. Если в предгорной зоне с преобладанием скотоводческих традиций материальное благополучие выражалось «табунами», то в переселенческой земледельческой зоне раскулаченные зажиточные семьи Орлеана «держали 2 лошади, 1 корову, 3 барашка», что сыграло значительную роль в определении их статуса в период раскулачивания и отнесения их к менее «опасной» категории кулаков.

Отличался и менталитет столыпинцев. Столыпинцы восточной предгорной и горной зоны уже в первое десятилетие сравнялись со старожилами материально благодаря благоприятным природно-географическим условиям и не без помощи старожилов, оценивших трудолюбие и хозяйственые навыки столыпинских переселенцев – земледельцев и кустарей. Это дало им возможность почувствовать уверенность; они стали идентифицировать себя со старожилами, что проявлялось в их бытовом поведении. И что «подвело» их при раскулачивании.

Как показывают материалы интервью степняков-переселенцев, в их поведении и менталитете до сих пор проявляется статус «российских» – переселившихся на земли юга Западной Сибири, а значит «пришлых», «не местных» в противопоставлении сибирякам-старожилам, из чего формировался и комплекс вторичности, подчиненности. Недаром именно в переселенческой среде алтайской деревни историческая память до сих пор насыщена этнокультурными подробностями, начиная от материальных традиций и заканчивая народной обрядовой культурой и семейными историями не о сибирских корнях. Эта память выступает в качестве самозащиты в «иной» - «инокультурной» среде. Автором давно замечена особенность сохранения и «лелеяния» малыми этническими или этнокультурными группами своей инакости, который можно рассматривать как своего рода инстинкт самосохранения, как средства защиты от растворения в преобладающей иной среде.

В старожильческой среде происходили противоположные процессы - «стирания детализации старожильческой культуры». Память потомков старожилов не фокусировалась на особенностях культуры сибиряков, при полной уверенности «хозяев» - мы тутошние, местные, «испокон веков живет здесь», «ранешние». На этом основании у них не было опасения исчезнуть как культурный или социально-экономический феномен, защищаться от «инакости», а значит не было мотивации холить и лелеять свою инакость. Именно поэтому этнографы в переселенческой среде до сих пор буквально купаются в этнографическом материале и часто разочаровываются из-за скучного проявления и сохранения элементов старожильческой культуры.

Поэтому поведение, адаптационные механизмы и жизненные стратегии двух групп переселенцев во время раскулачивания различались, прежде всего, своей гибкостью, приспособляемостью к обстоятельствам. Устойчивость и «живучесть» сел степных столыпинцев-переселенцев благодаря этой гибкости и «приспособленчеству», в.ч. вследствие постоянной памяти о том, что они не на своей территории, способствовали тому, что их села смогли избежать не только раскулачивания, но и слияния сел в период кампании укрупнения колхозов и гибели сел в период кампании ликвидации неперспективных сел. В ходе социалистической модернизации столыпинцы-степняки создали успешные хозяйства, сформировали потомственные крестьянские династии, а в старожильческих селах «головки [лидеров] раскулачили, да в Нарым сослали» [19, с. 256].

В целом, история столыпинцев продемонстрировала, что изучение этнических сообществ в экстремальных условиях является самостоятельной исследовательской задачей. В истории России особой экстремальностью отличалась эпоха тоталитаризма (сталинизма) 1930-1940-х годов. В этот период в сельском социуме для борьбы с неблагоприятными жизненными условиями были востребованы традиционные навыки и умения крестьянского общества. Автором эта гипотеза была проверена при изучении такого базового элемента культуры жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири, как жилище [21], его строительство, внутреннее обустройство, отопление, санитария [22].

Этнографический потенциал устных исторических источников: жилищная культура русского сельского населения в трудных и/или экстремальных условиях XX столетия

Как известно, сельское население массово попало во время раскулачивания, репрессий, депортаций и других «кампаний» репрессивной политики тоталитарного государства в трудные и экстремальные условия. Представленный в госхранилищах источниковый материал по этим проблемам довольно однотипен; документы составлены по единой схеме-шаблону, отличаются только фамилиями репрессированных и не отражают адекватно историческую реальность. Не говоря уже о сфабрикованности большинства, о чём неоднократно писали историки. А вот условия жизни, повседневность, быт, система жизнеобеспечения, условия жизнедеятельности в местах ссылки или депортации, мысли, чувства, ощущения разных категорий репрессированных с клеймом «врага народа» мало отражаются в архивированных документах госхранилищ. Но этот материал содержится в создаваемых с помощью интервью участников или очевидцев того периода устных исторических источниках. Их часто называют «документы с человеческим содержанием», «человеческие документы». В этом «взгляде изнутри» содержится значительный этнокультурный и антропологический материал, так необходимый этнографам.

Именно антропологический переворот в исторической науке закрепил позиции устной истории как метода и источника многих гуманитарных исследований. Для этнографии важным было появление самостоятельных направлений с использованием устной истории – «антропология академической жизни» – о культуре и быте академического сообщества; «антропология советскости» – об условиях жизни, повседневной культуре и быте советского человека, его ментальных установках, жизненных ценностях и т.д. В этом смысле можно говорить и об антропологии репрессированного общества или антропологии репрессированных групп – «раскулаченных», «депортированных», «спецпереселенцев», «трудармейцев» и др.

Применительно к повседневности разных категорий, репрессированных важно обозначить ракурсы изучения. Например, рассмотрение антропологии репрессированных сообществ через культуру жизнеобеспечения в экстремальных условиях. При этом необходимо учитывать, что для большинства репрессивных кампаний 1930-1940-х годов характерна именно семейственность – ссылки и депортации семьями. Репрессии изначально были направлены против всего крестьянского двора. Это означало, что репрессированным необходимо было создать условия проживания в новых местах, часто на голом месте, для всех членов семьи, среди которых были и грудные дети, и престарелые родители [21, с. 557]. Инструментом изучения бытовой культуры репрессированных выступает устная история, а источниками – материалы интервью, в которых содержится информация об обустройстве жилой среды в местах ссылки, об обеспечении репрессированных семей необходимой пищей и одеждой.

Устный архив показывает, что не только у репрессированных, но и у рядовых колхозников в периоды ухудшения жизнедеятельности при обустройстве жилой среды происходили изменения как в области строительных материалов и технологий, так и в типах и габаритах жилища, которые демонстрировали заместительные технологии в повседневной культуре. Навыки замещения и адаптации закрепляло то, что «военную и послевоенную деревню отличала крайняя степень обнищания, демографическая катастрофа (обезмужичивание), рост населения из разных категорий репрессированных (ссыльные и депортированные) и реабилитированных (раскулаченные и другие «враги народа»), которые выселялись семьями (семейный принцип репрессий). Все это увеличило население алтайской деревни, которое нуждалось в «крыше над головой». Перед военным и послевоенным сельским

обществом особенно остро всталла проблема не столько качественного «избенного строительства», сколько сооружения и бытового обустройства жилища из доступных природных материалов. К ним в деревне этого времени относились глина, песок, солома, камыш, чаща, колья, камни» [23].

Анализ этнокультурных аспектов жилищного обустройства в 1930-1950-е годы как одного из базовых элементов культуры жизнеобеспечения позволяет предположить, что и антропология колхозного крестьянства, и «антропология репрессированной части общества – это мобилизация народного опыта, актуализация традиционной системы жизнеобеспечения и адаптационные возможности традиционной культуры. Система выживания» также решала такие проблемы как «обеспечение питанием за счет традиционного собирательства, одеждой за счет домашнего ремесла, использование народной медицины, обращение к знахарству и т. д. В этом отношении можно говорить о своеобразном Ренессансе традиционной культуры и прежде всего, культуры жизнеобеспечения. Экстремальные условия жизни репрессированного сообщества, поставившие его в условия выживания, актуализировали традиционные навыки и умения крестьянской культуры. Были востребованы и традиции строительства жилища из дерна, глины, камыша и т. д.: землянухи, пластяники, топтонухи, литухи, плетенки, саманухи и т. д. Актуализировались и знания народной медицины, и знания съедобных дикорастущих растений. Оказалось, востребованным домашнее ткачество и рукоделие. Проблема адаптационных свойств традиционной крестьянской культуры является важной и в истории колхозного крестьянства, чья жизнь в условиях перманентной нищеты колхозно-кооперативного сектора практически всегда зависела от народного опыта и традиционной системы жизнеобеспечения. Особенно в годы Великой Отечественной войны, когда и среди репрессированной, и среди не репрессированной части советского общества... главным в организации жизни семьи стала традиционная культура и системы жизнеобеспечения» [21, с. 558-559].

Более того, интервьюирование участников прошлой жизни показало, что сельское население на протяжении всего XX столетия гибко реагировало на изменяющиеся или ухудшающиеся условия жизни. Например, культура русских старожилов обогащалась навыками утепления жилища с помощью глины и дерна, нетрадиционной для старожилов штукатурки; дополнения русской глинобитной печи железной буржуйкой при ограниченных возможностях в топливе и замене его органическими заместителями - коровьими лепешками и массовым изготовлением не используемого сибиряками кизяка и другие новации в бытовой культуре.

В совокупности это позволило автору сделать вывод о «парадоксе», который заключался в том, что «советское время» по-своему создало «благоприятные» условия для возрождения отдельных компонентов традиционной культуры в ходе социокультурной адаптации к новым реалиям и условиям. Проявилось это в широком распространении способов возведения жилья с использованием архаичных строительных традиций и материалов и одновременным внедрением новаций.

Востребованность архаичных этнокультурных традиций диктовалась такими условиями, как маломощность и низкий материальный уровень жизни колхозного общества, необходимость строить из подручных средств и жилые, и хозяйственные объекты. Информанты говорят, что «солому с колхоза брали бесплатно. И глину тоже...»; «А где лес брать? Колхоз не давал. Сам нищий!»; «У колхоза лесу не допросишься».

«Благоприятными» для трансляции этнокультурных традиций в поселенческо-жилищном строительстве стали великие советские стройки и реализация масштабных программ по переустройству советского общества. Даже в городах, например в Барнауле, в 1930-е гг. во время комсомольской стройки Меланжевого комбината на окраине города появился район из дерновых

землянок и литух для проживания строителей и первых рабочих. Подобные условия складывались и в экстремальные периоды советской истории, связанные с голодом 1920-х, 1930-х, 1947 гг., с раскулачиванием, репрессиями и депортациями, Отечественной войной 1941-1945 гг. и послевоенным временем, а также с кампанией по ликвидации неперспективных деревень.

Именно этнокультурные традиции обустройства жилой среды помогли выжить крестьянским семьям. В Сибири они применялись переселенцами, а в XX в. этот опыт в силу его простоты, доступности и дешевизны распространился повсеместно, в том числе и в культуре русских сибиряков. Причем у старожилов, строивших ранее деревянные срубные дома, в обустройстве жилой среды закрепляется глина, камыш, хворост. Штукатурка и побелка вытеснили традиционную для срубного строительства внутреннюю и внешнюю отделку стен; в периоды ухудшения экономического состояния были мобилизованы более архаичные формы – различные типы земляного дома, широко распространилось плетневое и каркасное строительство. Все это этнокультурное многообразие в XX столетии изменило пространственные и временные конфигурации обустройства жилой среды русского населения Сибири» [24, с. 172].

Таким образом, устная история открывает большие возможности для изучения традиционной культуры и ее судьбы в контексте исторического развития XX столетия. Исследователь с помощью методов устной истории проникает в историческую память носителей традиций и через эмпирический опыт респондентов получает этнокультурный материал, маркирующий этничность, идентичность, повседневные практики. Именно под таким углом зрения сформировался проект «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации» посвященный изучению значения традиционных умений и навыков народной культуры для населения тыловой деревни в 1941-1945 годах в условиях военного времени.

Культура жизнеобеспечения и этнография русского сельского населения сибирского тыла в годы Великой Отечественной войны

Великой Отечественной войне посвящено много работ. Но остаются малоизученными проблемы, требующие новых подходов, методов, источников. В первую очередь, это касается антропологических аспектов, с выявлением роли культуры жизнеобеспечения земледельческого и скотоводческого населения в военных условиях и анализ адаптационных практик народов в материальной (трудовые традиции, жилище, питание и др.) и в духовной (семейная обрядность, конфессиональные практики и др.) сферах. Если тема «Человек на войне» благодаря усилиям исследователей проработана, то с позиций антропологии и этнографии «Человеку тыла» уделялось меньше внимания [25, с. 174]. И перспективы изучения как раз связаны с новыми подходами в истории и этнологии и новыми направлениями исторических исследований. Прежде всего, в союзе этнографии с ее концепцией теории культуры жизнеобеспечения и «устной истории» (oral history) с ее технологиями создания новых источников путем интервьюирования участников и очевидцев реконструируемых событий.

Формировавшаяся в 1960-1970-е годы теория культуры жизнеобеспечения (КЖ) является важнейшим инструментом в изучении военных повседневных практик. КЖ поддерживала жизнедеятельность сельского общества в трудных и экстремальных условиях военного времени. Обоснование союза технологий и методологических принципов устной истории и этнологической теории КЖ проводилось автором в ряде публикаций [26-30]. Понятие КЖ введено в отечественную науку в конце 1970-х гг. Ю. И. Мкртумяном [31]. Содержательно оно прорабатывалось в совместных публикациях С. А. Арутюнова, Э. С. Маркаряна и Ю. И. Мкртумяна. Окончательное теоретическое оформление понятия КЖ произошло в конце 1980-х гг. с выходом в свет книги С. А. Арутюнова «Народы и культуры: взаимодействие и развитие» и закреплено в новационном издании этнографа в соавторстве с С. И. Рыжаковой в учебном пособии «Культурная антропология» [32]. В монографии автор дал важное для нас определение: «КЖ – та часть культуры, которая непосредственно направлена на поддержание жизнедеятельности ее носителей» [33, с. 8].

Для реализации заявленной темы было подготовлено издание с научными и методическими материалами [34]. Взаимодействие устной истории, социальной и культурной антропологии, этнологии, локальной истории реализовывалось автором в ряде публикаций о сборе и использовании в пищу дикорастущих растений (дикоросов), ягод, грибов; о формах и видах собирательства [25]; о высокой горизонтальной и вертикальной мобильности крестьянской семьи в годы войны [35]; о половозрастных особенностях в жизненных стратегиях в борьбе с холодом и голодом [36], о составе населения [37] и системах борьбы с трудностями; о возвращении к архаичным традициям жилищно-производственного строительства с использованием природных подручных материалов (глина, камыш, солома, валежник, нестроевой лес) [38]; о социально-политической адаптации разных категорий сельского населения (местных и пришлых) сибирской деревни в условиях государственной политики формирования «образа врага» и массовых депортаций и спецпереселений [39]; о разных адаптационных практиках социумов деревенского мира сформировавшихся в ходе социалистической модернизации (колхозников, «совхозников», интеллигенции и др.), обеспечение белковой пищей с помощью ловчих промыслов [40], охоты, рыболовства [2], о санитарии и гигиене [41] и т. д.

Необходимо отметить, что проведенное в 2014 – 2016 годах исследование акцентируется на базовых компонентах материальной культуры жизнеобеспечения – жилище, пища, одежда, т.е. тех, которые обеспечивали условия жизнедеятельности и удовлетворяли необходимые жизненные потребности [42]. Каждая из этих систем имела подсистемы, которые в совокупности составляли единую основу

навыков и умений борьбы с голодом и холодом. Каждая из них может стать самостоятельным предметом исследования антропологов, этнологов, историков. Это и подсистема отопления, и подсистема трудовых традиций и занятий по обеспечению питания и отопления, это и здоровьесберегающая подсистема санитарии и гигиены, это и подсистема бытового обустройства жилой среды, народной медицины и т. д.

В исследовательских работах пока мало анализировались вопросы социальной адаптации, которые тоже можно отнести к системе жизнеобеспечения и жизнедеятельности. Есть единичные публикации [43]. Среди проблем социальной адаптации населения в экстремальных условиях вопросы семьи и семейных традиций как базового института социальной адаптации, это поведение и стратегии детей и подростков в экстремальных условиях жизни, это гендерные различия в способах адаптации к экстремальным условиям жизни, это общественные настроения, отношения, досуг в экстремальных условиях; это этнические культуры и этнический аспект общественного сознания в экстремальной повседневности [44].

В этом направлении сделаны определенные усилия исследователями, которые выявили огромные лакуны – белые пятна, связанные, например, с культурным взаимодействием и взаимовлиянием во время этнических депортаций представителей народов-депортантов и принимающего сельского русского социума, межкультурный обмен и влияние культурных новаций этнических депортантов на принимающее, преимущественно русское население [34]. В этом направлении исследования только начаты, обозначены проблемы и лакуны [26].

Таким образом, устная история открывает новые возможности в изучении народов и их культур в контексте исторических процессов XX – начала XXI столетий, особенно в трудных и экстремальных условиях, созданных сопряженными с дестабилизацией повседневной жизни сельского общества историческими событиями.

Список литературы

1. Щеглова Т. К. Обь-Иртышское порубежье // Историко-культурная взаимосвязь Казахстанского Прииртышья и Российского Верхнего Приобья в свете новых подходов и технологий их изучения: материалы междунар. науч.-практ. конф.: Павлодар, 2011. С. 34–42.
2. Щеглова Т. К. Культура славянских сообществ Сибири в XX веке: новые подходы и перспективы в научно-исследовательском проекте «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации» // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований: 2015. № 3 (9). С. 40–49.
3. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России: М.: РОССПЭН, 1999. 383 с.
4. Мокрова М. В. Устная история науки: от историографических традиций к комплексному источниковедению: дис. ... канд. ист. наук: М., 2004. 253 с.
5. Шагоян Г. Память и нарративы о сталинских репрессиях в Армении// Семинар «Устная история: от формы к восприятию» (22.01.2016). [Электронный ресурс]: URL: urokiistorii.ru/sites/all/files/abstracts.doc.
6. Шагоян Г. Конкурирующая память: мемориализация сюжетов коллективной травмы // Депортация армян. 14 июня 1949 год: сборник документов и материалов / сост. Н. Н. Аблажей; отв. ред. Н. Н. Аблажей, Г. Харатян: Новосибирск: Наука, 2016. С. 216–223.
7. Блюм А. Возвращение и память // Миграционные последствия Второй мировой войны: депортации в СССР и странах Восточной Европы: сб. науч. ст.: Вып. 3. Новосибирск: Наука, 2014. С. 3–11.
8. Красильников С. А. История и память. Потенциал взаимодействия// Депортация армян. 14 июня 1949 год: сб. док. и материалов / сост. Н. Н. Аблажей; отв. ред. Н. Н. Аблажей, Г. Харатян: Новосибирск: Наука, 2016. С. 202–211.
9. Щеглова Т. К. Устная история в XX столетии: метод, источник, направление исторических исследований или самостоятельная дисциплина? // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы междунар. науч. конф. / Барнаул. гос. пед. ун-т, Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т археологии и этнографии; отв. ред.: Т. К. Щеглова, И. В. Октябрьская. Барнаул, 2008. Вып. 7. С. 246–254.
10. Щеглова Т. К. Методика сбора устных исторических источников: методическое пособие / отв. ред. М. А. Демин: Изд. 3-е, испр.: Барнаул: Изд-во БГПУ, 2006. 22 с.
11. Щеглова Т. К. Устная история: учеб. пособие для студентов вузов: Барнаул, 2011. 363 с.
12. Щеглова Т. К. Значение устной истории в изучении сознания русского населения Алтая на примере интерпретации разрушения церквей // V конгресс этнографов и антропологов России (г. Омск, 9–12 июня 2003 г.): тез. докл: М., 2003. С. 84.
13. Щеглова Т. К. Устная история как метод и источник этнографических исследований // VIII конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов. Оренбург, 1–5 июля 2009 г. / редкол: В. А. Тишков и др.: Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2009. С. 407.
14. Щеглова Т. К. Устная история как метод и источник этнографических исследований // IX Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов. Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г. / редкол: В. А. Тишков и др.: Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН, 2011. С. 73–74.
15. Щеглова Т. К. Культура жизнеобеспечения сельского населения Сибири в устной истории в экстремальных условиях XX столетия: адаптационные практики традиционной культуры в годы

УСТНАЯ ИСТОРИЯ:

жизненные стратегии и повседневные практики сельского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны

Содержание

Великой Отечественной войны // XI Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Екатеринбург, 2-5 июля 2015 г. / отв. ред.: В. А. Тишков, А. В. Головнёв: Москва; Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН, 2015. С. 306.

16. Корусенко С. Н. Алимших: реальная личность и мифологизация образа // XI Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г. / отв. ред.: В. А. Тишков, А. В. Головнёв: Москва; Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН, 2015. С. 323.

17. Жунусов С. К. Устная история и феномен шежире в общественном дискурсе и этнографии Казахстана// XI Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г. / отв. ред.: В. А. Тишков, А. В. Головнёв: Москва; Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН, 2015. С. 321.

18. Давыдова А. С. Строительство православного храма как событие локальной истории северного провинциального города // XI Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г. / отв. ред.: В. А. Тишков, А. В. Головнёв: Москва; Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН, 2015. С. 320.

19. Щеглова, Т К. Социокультурная и хозяйственная адаптация столыпинских переселенцев на Алтае на протяжении 1910–1980-х годов: стратегии и результаты (по материалам полевых исследований // Вестник алтайской науки. 2014. № 1. С. 252–257.

20. Щеглова Т. К. Русские, украинцы, немцы, казахи степного запада Алтайского края: формирование переселенческой историко-этнографической области и сельского культурного ландшафта: (материалы к Историко-этнографическому атласу Алтайского края) // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы 8-й междунар. науч. конф. / Алтайская государственная педагогическая академия; отв. ред.: Т. К. Щеглова: Барнаул, 2011. Вып. 8. С. 72–83.

21. Щеглова Т. К. Жилище раскулаченных и депортированных в условиях принудительных переселений 1920-1940-х годов: материал, технологии и типы по устным историческим источникам // Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Знать, чтобы не забыть: тоталитарная власть и народ в 20-х – начале 50-х годов XX века» 30–31 мая 2014 года: Усть-Каменогорск: «Медиа-Альянс», 2014. С. 554–571.

22. Щеглова Т. К. Санитарно-бытовая культура и традиции личной гигиены сельского населения Алтайского края в 1920-1930-е гг. // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы междунар. науч.-практ. конф. / БГПУ, каф. отеч. истории, лаб. ист. краеведения; отв. ред. М. А. Демин, Т. К. Щеглова: Барнаул, 2003. Вып. 5. С. 154–163.

23. Щеглова Т. К. Использование глины, соломы, чащи, камыша, кольев и других природных материалов в обустройстве сельской усадьбы и быта семьи в послевоенной деревне Алтая (1940-1950-е гг.) на лесостепных и степных территориях // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2013 г.: археология, этнография, устная история: вып. 9: материалы IX междунар. науч.-практ. конф. 15-16 апреля. 2014 г./ под ред. Т Н. Смагулова, М. А. Демина, Т К. Щегловой, Е. К. Абеевой: Павлодар: ПГПИ, 2014. С. 258–269.

24. Щеглова Т. К. Традиции и новации в обустройстве жилой среды русского населения юга Западной Сибири в контексте исторического развития (1860–1980 гг.) // Традиционная культура: 2016. № 1. С. 163–174.

25. Щеглова Т. К. Собирательство как стратегия выживания и элемент системы жизнеобеспечения сибирской тыловой деревни в повседневных практиках военного времени 1941-1945 годов по устным историческим источникам // Былые годы. Рос. ист. журн. 2015. № 35 (1): С. 174–184.

26. Щеглова Т. К. Краеведение, музееведение и устная история – источники, методы и формы

© Щеглова Т. К., концепция, составление, редактирование, 2017

© Алтайский государственный педагогический университет, 2017

© Кузнецов А. С., Мазырина А. А., Рыков А. В., Щеглова Т. К., 2017

взаимодействия в отечественной практике в контексте государственной политики в XX – начале XXI века // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах – важнейшие факторы стабильного развития России: сб. науч. тр. / отв. ред.: Е. Ю. Смирнова, Н. А. Томилов: Омск: Изд. дом «Наука», 2016. С. 308–313.

27. Щеглова Т. К. Устная история и этнография: пути и формы взаимодействия: (из опыта внедрения новых подходов, методов и технологий в этнографические исследования) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае, 2010 г.: археология, этнография, устная история: материалы 7-й регион. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию лаборатории ист. краеведения, 25–26 ноября 2010 г. / Алт. гос. пед. академия, лаборатория ист. краеведения; редкол: М. А. Демин и др.: Барнаул, 2011. С. 12–20.

28. Щеглова Т. К. Этнографические исследования в Алтайском крае: история и современность // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае, 2007 г.: археология, этнография, устная история: материалы 4-й регион. науч.-практ. конф., 6–8 декабря 2007 г. / Алт. гос. пед. академия, лаборатория ист. краеведения; редкол.: М. А. Демин, Т. К. Щеглова, А. Н. Телегин: Барнаул, 2009. С. 171–184.

29. Щеглова Т. К. Центр устной истории БГПУ: исследовательская работа, документирование устных исторических источников и их интерпретация // Устная история (Oral History): теория и практика: материалы всерос. науч. семинара (Барнаул, 25–26 сент. 2006 г.) / БГПУ, лаб. ист. краеведения и др.; сост. и науч. ред. Т. К. Щеглова: Барнаул, 2007. С. 16–22.

30. Щеглова Т. К. Этнографические и устноисторические исследования полевого сезона 2006 г. БГПУ // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае (археология, этнография, устная история), 2006 г.: материалы 3-й регион. науч.-практ. конф., 6–8 дек. 2006 г. / БГПУ; редкол.: М. А. Демин, Т. К. Щеглова, А. Н. Телегин. Барнаул, 2007. С. 168–180.

31. Мкртумян Ю. И. Основные компоненты культуры этноса // Методологические проблемы исследования этнических культур: Ереван, 1978. С. 42–47.

32. Арутюнов С. А., Рыжакова С. И. Культурная антропология: М.: Весь Мир, 2004. 216 с.

33. Арутюнов С. А. Народы и культуры: взаимодействие и развитие: М.: Наука, 1989. 247 с.

34. Щеглова Т. К. Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в XX столетии: культура жизнеобеспечения в годы Великой Отечественной войны. Науч. и метод. материалы. Барнаул: ООО «АЗБУКА», 2015. 132 с.

35. Щеглова Т. К. Система жизнеобеспечения и адаптационные практики сельского населения тыловой деревни Сибири на примере собирательства и ловчих промыслов: новые источники, методы и подходы // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов: сборник статей / отв. ред. А. Ш. Кабирова: Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 379–389.

36. Щеглова Т. К. Мобилизационная экономика крестьянской семьи в годы Великой Отечественной войны: ловчие промыслы на сусликов и собирательство яиц дикой птицы в системе жизнеобеспечения тылового сельского общества Сибири // Сибирь в Великой Отечественной войне: Сборник материалов Всерос. науч. конф., посвящ. 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне (Новосибирск, 27–28 апреля 2015 г.): Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, Параллель, 2015. С. 72–81.

37. Щеглова Т. К. Структура и категории сельского русского населения сибирской деревни как фактор адаптационных механизмов традиционной культуры жизнеобеспечения в повседневных практиках войны 1941–1945 годов: к проблеме введения и интерпретации материалов устной истории в научные тексты // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы 9-й междунар. науч. конф., Барнаул, 28–30 октября 2015 г. Вып. 9 / Алт. гос. пед. ун-т, Национальный исследовательский Томский гос. ун-т, Ин-т археологии и этнографии Сиб. отд-ния Рос. академии наук; под ред. Т. К. Щегловой:

Барнаул, 2015. С. 366–378.

38. Щеглова Т. К. Адаптационные возможности крестьянской переселенческой культуры в селах западного степного и лесостепного Алтая: традиции и новации в 1930–1950-е годы на примере каркасного жилища // Актуальные вопросы истории Сибири. 9-е науч. чтения памяти проф. А. П. Бородавкина: материалы всерос. науч. конф. / под. ред. В. А. Скуб-невского, К. А. Пожарской. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 67–70;
39. Щеглова Т. К. Повседневные практики и система жизнеобеспечения сельского населения в борьбе с холодом и голодом в тыловой деревне Сибири как фактор победы в Великой Отечественной войне: новые подходы и источники в исторических исследованиях // Великая Отечественная война: история, методология, современное осмысление: материалы междунар. науч.-практ. конф. Усть-Каменогорск, 2015. С. 586–599.
40. Щеглова Т. К. Сусличьи промыслы и система питания колхозной семьи русского населения в годы Великой Отечественной войны: участники, способы, орудия ловли // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае 2015 г.: этнография, устная история. Вып. 11: материалы XI междунар. науч.-практ. конф. Павлодар, 21–22 апреля 2016 г. Т 1. / под ред. Т. К. Щегловой, М. А. Демина, И. В. Толпеко, Т. Н. Смагулова, Е. К. Абеевой. Павлодар: ПГПИ; Барнаул: АлтГПУ, 2016. С. 152–163.
41. Щеглова Т. К. «Интимные» вопросы культуры жизнеобеспечения женщин сибирской деревни в годы Великой Отечественной войны: взаимодействие гендерной и устной истории в исследовании гигиены и санитарии // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур: Материалы Девятой междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, 13–16 октября 2016 г., Смоленск: в 2 т. / отв. ред. Н. Л. Пушкирева, Н. А. Мицюк. Смоленск. М.: Изд-во СмолГУ, ИЭА РАН, 2016. Т. 2. С. 253–258.
42. Щеглова Т. К. Стратегии выживания и адаптации земледельческого населения Сибири в контексте исторических событий XX столетия: ответ устной истории на антропологические вызовы // Антропология в поисках нового языка описания: тезисы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. С. 74–75.
43. Щеглова Т. К. Мир времени истории в памяти поколений XX столетия: жизненные стратегии в военных условиях 1941–1945 гг. сельского населения Сибири // Калейдоскоп времени: ускорение, инверсия, нелинейность, многообразие [Электронный ресурс]: Сб. ст. по материалам Междунар. междисциплинар. конф. «Калейдоскоп времени: ускорение, инверсия, нелинейность, многообразие» (Саратов, 25–26 сентября 2015 г, СГТУ имени Гагарина Ю. А.): Саратов, 2015. С. 148–158.
44. Щеглова Т. К. «Свой» и «чужой»: взаимоотношения местного населения и российских немцев на Алтае в контексте государственной политики формирования и использования образа врага в период депортаций // Российские немцы. От истоков к современности: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 250-летию Манифеста рос. императрицы Екатерины II и начала массового переселения немцев в Россию, 75-летию Алт. края, 70-летию со времени мобилизации советских немцев в трудармию, г. Барнаул, 10–11 ноября 2012 г: Барнаул: Алтайский краевой российско-немецкий дом, 2012. С. 155–165.